

ЗА РУБЕЖОМ

ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ АГРЕССИИ

Н. Д. ЛЕВИТОВ

(Москва)

I

Агрессия является предметом большого числа психологических работ в США. Ей посвящены специальные монографии [4], [5], [7], [21], [30], имеется много экспериментальных работ. Проблема рассматривается в разных аспектах: в психологии личности, детской, социальной. При всем этом Г. Кауфман в своей обзорной статье «Определения и методология в изучении агрессии» имел достаточно оснований утверждать, что в данной проблеме «мы стоим еще на совсем неведомой почве» [15; 35] и не случайно критика существующего в исследовании агрессии положения вещей занимает основное место.

Как и всегда при постановке новой психологической проблемы в первую очередь возникает вопрос: на каких фактах и требованиях жизни основано выдвижение этой проблемы?

В жизни термин «агрессия» имеет широкое распространение для обозначения насильственных захватнических действий. Агрессия (и агрессоры) всегда оценивается резко отрицательно как выражение антигуманизма, насилия, культа грубой силы. В некоторых случаях об агрессивных действиях говорят как об энергично наступательных и дают им положительную оценку. Это обычно делается, когда идет речь о спортивных состязаниях: отсутствие у команды спортивной «злости» или агрессивности оценивается как существенный недостаток. Однако «положительная» агрессия является скорее исключением, имеющим место в узкой специальной сфере.

В повседневном быту и в том числе в школьной жизни нередко встречаются формы грубого насильственного поведения, несомненно относящиеся к агрессии, хотя и не называемые обычно этим термином. Говорят о «задиристости», «драчливости», «озлобленности», когда видят агрессивное поведение или проявления агрессивности как черты характера.

К агрессивности близко подходит состояние враждебности. Согласно Басс [7], враждебность более узкое по направленности состояние, всегда имеющее определенный

объект. Часто враждебность и агрессивность сочетаются, но отнюдь не всегда. Люди могут находиться во враждебных и даже антагонистических отношениях, но никакой агрессивности не проявлять хотя бы потому, что заранее известны ее отрицательные последствия для «агрессора». Бывает и агрессивность без враждебности, когда обижают людей, к которым никаких враждебных чувств не питают.

Психологи США, находящиеся на бихевиористских позициях, обычно говорят об агрессивном поведении, т. е. об открытых внешне выраженных действиях. Это действия очень активные, часто инициативные и всегда приносящие объекту (человеку, а в некоторых случаях и неодушевленному предмету) какой-то вред. Таким образом, агрессивные действия всегда вредоносны, но степень этой вредоносности зависит как от агрессора, так и от оказываемого ему сопротивления. Обычно указывается, что агрессивные действия очень разнообразны по форме и по причиняемому вреду. Многие преступления должны рассматриваться как проявления агрессивности: посягательства на благополучие и жизнь человека.

Нередко агрессивное поведение выражается в грубых, оскорбительных, насмешливых или язвительных словах. Такого рода агрессивные слова могут восприниматься даже более болезненно, чем агрессивные действия.

Американские исследователи агрессии приходят к выводу, что о ней нельзя судить лишь по внешнему поведению. Если один человек бьет другого, это еще не означает, что он действует агрессивно. На целесообразность ограничения агрессии ее внешним выражением указал Дж. Каган, утверждавший, что для суждения об агрессивности акта необходимо знать его мотивы и то, как он переживается [14; 501]. Подобным образом Фишбах настаивал на включении мотивационных факторов в определение агрессии [10]. Таким образом, диагностика агрессии всегда должна включать в себя оценочный момент.

Агрессивное состояние может быть открытым, т. е. внешне выраженным в соответствующих действиях, и скрытым, например,

агрессивное настроение, не нашедшее, а иногда и не ищущее выхода в агрессивном поведении. Иногда человек, имея агрессивные замыслы, преднамеренно их маскирует притворным положительным отношением, и в таких случаях замаскированное агрессивное состояние не легко «разоблачить».

Если рассматривать мотивационную сторону, то заслуживает внимания различение агрессии инструментальной и преднамеренной. Инструментальная агрессия та, когда человек не ставил своей целью действовать агрессивно, но «так пришлось» или по субъективному сознанию «было необходимо» действовать.

Фишбах [10] предложил различать три вида агрессии: случайную, инструментальную и враждебную. Кауфман в своем обзоре справедливо возражает против того, чтобы случайное, т. е. непреднамеренное действие, принесшее вред, называть агрессивным, но он не прав, сомневаясь в необходимости различать агрессию инструментальную и враждебную или преднамеренную [15; 354]. Правда, в некоторых случаях нелегко установить, является агрессия средством или целью, но это различие очень существенно.

Можно ставить вопрос о различении агрессии «инициативной» и «оборонной». Первая имеет место, когда агрессором является зачинщик, а вторая — когда агрессия представляет собой реакцию на агрессию. Можно спорить, следует ли такого рода оборонные реактивные действия относить к агрессивным, но если они намного превосходят по силе агрессию как исходный «раздражитель», то вряд ли можно эти действия оправдывать.

Агрессию следует изучать не только как поведение, но как психическое состояние; знать его феноменологию, выделяя в соответствии с традиционной номенклатурой познавательный, эмоциональный и волевой компоненты.

Познавательный компонент заключается в ориентировке, которая требует понимания ситуации, выделения объекта для нападения и идентификации своих «наступательных» средств. Некоторые психологи, как например Лазарус [16], считают основным возбудителем агрессии угрозу, полагая, что последняя вызывает стресс, а агрессия является уже реакцией на стресс. С этой точки зрения, основное значение имеет рассмотрение того, как человек справляется со стрессом и может ли он предотвратить или ослабить агрессию. Следует, однако, отметить, что далеко не всякая угроза вызывает агрессивное состояние, а с другой стороны, отнюдь не всегда агрессивное состояние провоцируется угрозой.

Вместе с тем, в тех случаях, когда агрессия вызывается угрозой, правильное понимание этой угрозы, ее объективный анализ и оценка — весьма важные познавательные элементы агрессивного состояния. От этого понимания зависит само возникновение этого состояния, его форма и сила. Переоценка угрозы может вызвать отказ от

агрессии как средства борьбы и сознание своего бессилия. Недооценка угрозы, обычно связанная с переоценкой своей собственной силы, приводит к поражению, иногда к психическому состоянию — фрустрации. У человека может быть иллюзия угрозы и он тогда уподобляется дон Кихоту, который боролся с ветряными мельницами, считая их великанами.

Очень значителен эмоциональный компонент агрессивного состояния и не случайно оно привлекло внимание психологов на III международном симпозиуме об эмоциях и чувствах, проходившем в США в 1968 году. Так, согласно докладу Наулис, агрессия как «негативная социальная ориентация» занимает первое место среди 11 факторов настроения [29; 266]. Говоря об эмоциональных компонентах прежде всего выделяют гнев. Действительно, очень часто человек на всех этапах агрессивного состояния — при подготовке агрессии, в процессе ее осуществления и при оценке результатов — переживает сильную эмоцию гнева, иногда принимающую форму аффекта, ярости. Но не всегда агрессия сопровождается гневом и не всякий гнев приводит к агрессии. Более того, совсем неверно было бы считать каждый гнев, провоцирующим агрессию. Существует «бессильный гнев» при фрустрации, когда нет никакой возможности снять барьер, стоящий на пути к цели. Иногда дети переживают гнев по отношению к старшим, но этот гнев агрессией даже в словесной форме обычно не сопровождается.

Есть также «благородный гнев», обычно связанный с негодованием по поводу какого-либо дурного поступка. Такой гнев может побуждать не к агрессии, а к творчеству. Когда Ювенал говорил: «Негодованием порождается стих», то имел в виду, несомненно, гнев.

Таким образом, нельзя стоять на такой позиции, как например Берлайн, который допускает выражение «гнев или агрессивность» [6; 664], так как это не синонимические понятия.

Эмоциональная сторона агрессии не исчерпывается гневом. В упомянутом докладе Наулис применяет к человеку, находящемуся в состоянии агрессии, такие эпитеты: «действующий вызывающе, мятежный, гневный, брюзга, раздражительный, заносчивый, яростный, драчливый» [29; 273]. Как видим, эмоциональное состояние при агрессии только к гневу не сводится.

Особый оттенок этому состоянию придают переживания недоброжелательности, злости, мстительности, а в некоторых случаях и чувства своей силы, уверенности. Бывает и так, что агрессор переживает радостное, приятное чувство, патологическим выражением которого является садизм.

При всей важности эмоционального компонента агрессии нельзя недооценивать ее волевой стороны. В агрессивном действии имеются все формальные качества воли: целеустремленность, настойчивость, решительность, в ряде случаев инициативность и сме-

лость. Агрессивное состояние часто возникает и развивается в борьбе, а всякая борьба требует вышеуказанных волевых качеств.

Но если с формальной стороны агрессивное состояние является волевым актом, то было бы совсем неверно относить его к проявлениям силы воли. Сила воли (не в формальном, а в подлинном содержательном значении этого термина) определяется общественной ценностью целей, настойчивостью, определяемой такими целями; она проявляется не в агрессии, а в ее содержании или противодействии, т. е. только в такой борьбе, которая имеет общественное и моральное положительное значение.

Перечисленные компоненты психического состояния агрессии могут сочетаться самым разнообразным образом. Против тенденции рассматривать все агрессивные акты как нечто единообразное предостерегают Лазарус, Эврил и Оптон [17], ставя вопрос об эволюционной агрессии. Но эти авторы, следуя принятой в США традиции, не уделяют достаточного внимания внутреннему миру человека, находящегося в агрессивном состоянии.

Агрессия как акт нападения обычно направлена на определенный объект, но нередко наблюдается явление **перемещения** объекта, т. е. переноса нападения на какой-то другой объект, а не на тот, который был мишенью первоначально. Перемещение может идти разными путями. Первый путь — генерализация: агрессия как бы иррадирует, захватывая объекты, сходные с тем, который первоначально был «жертвой». Этот путь можно наблюдать уже в агрессивном поведении животных. Так, в эксперименте Миллера [27] показано, что белые мыши, очень агрессивно действовавшие по отношению друг к другу, переносили свою агрессивность и на куклы, по форме и цвету напоминавшие мышей. Перемещение объекта агрессии в результате генерализации нередко наблюдается и у людей. Например, школьник, поссорившись с другом, свои враждебные чувства и действия перенес и на близких товарищей этого друга.

Второй путь перемещения объекта агрессии — через ассоциации по смежности. Недовольный учителем ученик свое агрессивное отношение к нему выражает в бессильной злобе и в том, что рвет учебник по предмету, который преподает этот учитель.

Третий путь перемещения — на так называемого «козла отпущения», т. е. на такое лицо, а иногда и на неодушевленный предмет, которые «попадают под руку» или обычно безропотно переносят ничем не заслуженные нападки агрессора. Лессер высказал гипотезу, что перемещение объекта агрессии обыкновенно связано с безнаказанностью [18; 281] и это в первую очередь относится к «козлу отпущения».

Особое место занимает — «автоагрессия»: перенос объекта агрессии на самого себя. Не считая нужным и возможным выполнить свое агрессивное намерение, человек начинает «бичевать себя», нередко при этом при-

писывая себе несуществующие недостатки или сильно их преувеличивая.

На состояние агрессии оказывает влияние также и то, как сам агрессор его воспринимает и оценивает. Иногда люди, находясь в явно злобном агрессивном состоянии, таким его не считают и во всяком случае ничего в нем не видят предосудительного. Некоторые люди агрессивность считают выражением силы, той активностью, которая естественна и должна быть всегда реализована. Ученики задиристого типа, доставляющие немало неприятностей товарищам, часто даже гордятся этим. Поэтому агрессивность является, как правило, одним из обычных проявлений грубости.

Оправдывая агрессию, люди иногда склонны ее считать своеобразным «катарсисом», чем-то очищающим, освобождающим от длительного и тягостного агрессивного состояния. По мнению этих людей, выражением своей злобы или агрессивности в открытой форме можно получить своего рода разрядку, в результате чего злоба погасается. Подобным образом люди иногда в слезах находят разрядку своему горестному состоянию. Однако катарсическое значение открытого агрессивного поведения очень сомнительно и указание на него служит лишь целям самооправдания. Экспериментальные исследования, посвященные данному вопросу, дали неопределенные, противоречивые результаты, но по большей части не в пользу теории катарсиса. Стагнер [34] высказал предположение, что при привычной враждебности агрессия никакого катарсического действия не имеет. Согласно Басс [7], если агрессия сопровождается гневом, то она может привести к катарсису, а если не сопровождается, то наоборот, от своей реализации только усиливается.

В большинстве случаев люди относятся к агрессии отрицательно и если она у них бывает, то в той или другой форме раскaissываются, называя свои действия «выходкой», заслуживающей осуждения. Гораздо менее люди склонны осуждать свое агрессивное состояние, выражающееся в озлобленности, не воплотившейся в открытое агрессивное действие. Часть людей ставят себе в заслугу то, что они злобу затаили в себе, фактически не принося ее объекту какого-либо вреда, однако подобного рода злоба может рассматриваться как потенциал агрессивных действий, готовый к реализации.

II

При каких условиях возникает агрессивное состояние?

Существует теория, согласно которой агрессия всегда есть результат действия фрустраторов, т. е. непреодолимых барьеров, стоящих на пути к достижению цели, вызывающих состояние растерянности или фрустрации. Так авторы книги «Фрустрация и агрессия» [8], считающейся в США классической, утверждают, что если организм подвергается воздействию фрустрации, то он всегда на это реагирует агрессией и что не

существует такой агрессии, которая возникает не на почве фрустрации.

В несколько смягченной модифицированной форме теорию обусловленности агрессии фрустрацией поддерживают Берковиц [5] и Мак-Нейл [25]. Многие другие психологи: Басс [7], Кауфман [15] этой теории не разделяют и, действительно, фактами ее универсальность не подтверждается.

Вопрос о том, не связана ли агрессия в каждом конкретном случае с фрустрацией закономерен, но это вовсе не означает, что между агрессией и фрустрацией необходимо имеется неразрывная связь [1]. Прежде всего, далеко не всякая агрессия провоцируется фрустрацией. Агрессия может возникать, например, «с позиции силы» и является выражением власти и тогда ни о какой фрустрации речи быть не может. С другой стороны, фрустрация часто агрессией не сопровождается — она имеет многообразные проявления, в том числе и толерантность, при которой всякая мысль о нападении исключается. Кстати сказать, агрессивная реакция на фрустратор часто не ослабляет, а усиливает состояние фрустрации.

В США имеются попытки экспериментального решения вопроса: в каком соотношении находятся мнение человека о себе и оценка «жертвы» агрессии и совершенного агрессивного акта. В частности, изучаются явления диссонанса между суждением человека о себе и оценкой агрессии. По данным экспериментальных исследований можно сделать общее замечание о том, как указанный диссонанс устраняется или ослабляется. Если объектом агрессии является некто, к кому мы хорошо относимся, кого вообще-то любим, то придумываются основания для благоприятного истолкования агрессии, если же «жертва» ничего симпатичного для агрессора не представляет, то диссонанс разрешается тем, что усиливается, подчеркивается нерасположение к жертве [13]. Так справляется с диссонансом человек, имеющий о себе высокое мнение. Если же человек невысоко себя ставит, то диссонанс или не возникает, или же возникает в такой слабой степени, что не требует ликвидации. Постановка проблемы о связи между отношением к агрессивности и самосознанием человека закономерна, так как зло агрессивных состояний трудно искоренить, не обращаясь к самосознанию человека, однако значение полученных в экспериментальных исследованиях выводов ослабляется тем, что эти выводы у разных авторов не вполне совпадают, да и методика исследования далеко не безупречна.

Очень сложен вопрос о генезисе агрессивности, о роли, которую в ее происхождении играют биологические и социальные факторы. Существует теория, согласно которой агрессивность — черта, присущая человеку от природы как инстинкт или потребность. Эта точка зрения прежде всего развивалась Фрейдом [12], который связывал агрессию с прирожденным влечением к смерти, таким же властным как и либидо. Дело представ-

ляется так, что влечение к смерти побуждает к **саморазрушению** и агрессия является механизмом, благодаря которому это влечение переключается: разрушение направляется на другие объекты, в первую очередь на других людей.

Теорию прирожденности агрессии защищают и психологи, не стоящие на фрейдистских позициях. Мак Даугол, не принимавший фрейдизма, вместе с тем признавал «инстинкт драчливости», заложенный в человеке от природы [24], Мюррей [28] в число первичных потребностей человека включил и потребность в агрессии, побуждающую искать случаи атаковать с целью принести вред. Согласно Лоренцу [21], *Homo sapiens* как один из многих видов животного мира обладает инстинктом агрессии. В качестве примера Лоренц указывает на подростка, который при первом знакомстве с сверстником сейчас же начинает с ним драться, поступая так же, как в аналогичном случае поступают обезьяны, крысы и ящерицы.

А. Маслоу в своей монографии «Мотивация и личность» [26] дал обстоятельный анализ проблемы: «является ли деструктивность (разрушительность) инстинктоидной?» К потребности разрушать этот психолог отнес и агрессивность. Под инстинктоидными он понимает свойства личности, несводимые к инстинктам, но имеющие некоторую природную основу. Наибольшего внимания заслуживает рассмотрение Маслоу данных зоопсихологии, детской психологии и антропологии, приведшее к общему выводу о необоснованности теории предопределенности деструктивности (а значит и агрессивности) природным инстинктом. Данные генетики, согласно которым жестокость передается по наследству, побудили Маслоу сделать уступку биологизаторскому толкованию агрессивности: она не инстинкт, но инстинктоидна — подобна инстинкту.

Следует считать, что возникновение и развитие агрессивности зависит в первую очередь от общественных условий, к которым относится как общественная формация, так и ближайшая общественная среда, малая группа. В капиталистическом обществе агрессивность в открытой или замаскированной форме культивируется как орудие в борьбе за преуспевание. В социалистическом обществе, где имеется морально-политическое единство граждан и отсутствуют хищничество и эксплуатация человека, проявления агрессивности объясняются прежде все особенностями воспитания.

Ряд исследований в США посвящен выяснению влияния линии воспитания в семье на агрессивность детей. Бандура и Уолтерс [4] на основе опроса и жизненных наблюдений установили, что если матери снисходительно относятся к агрессивным действиям своих детей и даже склонны им потакать, то дети становятся еще агрессивней. Вместе с тем, в другом исследовании показано, что дети, подвергающиеся очень строгим наказаниям, отличаются большей агрессивностью по отношению к товарищам [9].

Физические наказания за агрессивное поведение усиливает агрессивность детей [32].

Велико значение подражания в развитии детской агрессивности. В эксперименте [3] была поставлена цель выяснить роль различных моделей в порождении детской агрессивности. Испытуемыми были дети от 3 до 5 лет, разделенные на 4 группы; три экспериментальных и одну контрольную. В первой экспериментальной группе дети наблюдали за агрессивным поведением взрослых, выражавшемся в грубом обращении с куклой. Во второй группе дети такое же обращение с куклой видели в кинофильме. В третьей группе детям также демонстрировали фильм, но «комического характера», где грубое обращение с куклой высмеивалось. Затем все дети подвергались такому испытанию: они играли с очень интересными для них игрушками, а во время игры игрушки отнимались и проводились наблюдения, как дети реагировали на это.

Выяснилось, что значительно больше агрессивных реакций на отнимание игрушек было у детей из экспериментальных групп, которые видели примеры агрессивности, причем наибольшую агрессивность обнаружили дети второй группы, т. е. видевшие модель агрессии в фильме (не комическом).

Г. Левин и Б. Флейшман после анализа соответствующей литературы пишут: «Агрессивное поведение — выученные реакции на возбуждения, вызываемые фрустрацией или инструментальные акты, направленные на достижение различных целей. Активное поведение — такое, какое легко вызывается подражанием, и подражание — важная детерминанта среди условий, при которых усваивается агрессивное поведение» [20; 232].

Признание детерминированности агрессии общественными факторами и прежде всего воспитанием не должно приводить к отрицанию биологического фактора в возникновении и развитии агрессивности. Несомненно, что агрессивность связана с повышенной возбудимостью нервной системы при слабом действии активного торможения. Поскольку свойства нервной системы передаются по наследству, может быть унаследовано и нарушение баланса между процессами возбуждения и торможения в сторону повышенной и слабо контролируемой возбудимости. Помимо того, поскольку оборонительный рефлекс относится к природным, то могут быть природными и те задатки к наступательным действиям, которые в зависимости от общественных условий развиваются как в социально оправдываемую «боевитость», так и во враждебную агрессивность.

В связи с тем, что эмоции гнева и ярости часто сопровождают агрессивное состояние, имеет смысл для установления биологического субстрата агрессии привлекать данные, показывающие своеобразие биохимических реакций при указанных эмоциях. Когда-то Кэннон, отстаивавший тезис о зависимости эмоций в первую очередь от деятельности вегетативной нервной системы и желез внутренней секреции, пришел к выводу, что биохимический субстрат для всех

эмоций одинаков, независимо от модальности. В настоящее время имеются данные, опровергающие этот вывод. Так, установлено, что из двух катехоламинов один (эпинефрин или адреналин) выделяется при состоянии повышенной эмоциональной возбудимости стенического типа и в том числе гнева, а другой гормон (норэпинефрин или норадреналин) выделяется при астенических эмоциях — страхе, беспокойстве, тревоге. Сводку по этому вопросу дает Д. Лайкен в статье «Нейрофизиология и психофизиология в исследовании личности» [23].

Магда Арнольд на III симпозиуме по эмоциям и чувствам (1968 г.) дала важное разъяснение: для того, чтобы инъекция катехоламина вызвала определенную эмоцию, необходимо, чтобы человек осознал и правильно истолковал провоцирующий эмоцию объект. Если человек знает, что ему сделана инъекция адреналина для того, чтобы вызвать гнев, он такой эмоции не переживает.

Кауфман [14] считает хорошо обоснованным взгляд Мак-Нейла [25], что привлечение физиологических и генетических факторов не продвигает объяснение агрессии у людей.

Большую трудность представляет диагностика агрессивного состояния и поведения, которое нельзя свести только к эмоциональному компоненту (даже в своей эмоциональной модальности оно своеобразно и многолико). Поиски биологических основ агрессии и агрессивности должны продолжаться, но каковы бы ни были их результаты, они не смогут занять ведущее значение, по сравнению с изучением роли общественных условий и прежде всего воспитания.

Прогресс в изучении агрессивного состояния и агрессивности зависит как от углубления теоретического рассмотрения данной проблемы, так и от совершенствования экспериментальных методов.

Необходимо строго различать общественно и этически оправданные поступки и агрессию как недопустимую грубую форму обращения с человеком, а иногда и с неодушевленными предметами.

Далее, не следует ограничивать агрессию лишь открытыми формами агрессивного поведения, — надо изучать и такие агрессивные состояния, которые содержат в себе лишь потенциал агрессивных действий.

Незакономерно сведение агрессии к одной эмоциональной сфере, хотя она в ней и значительна. Агрессия должна рассматриваться прежде всего в аспекте воли, направленной в дурную, а часто и порочную сторону. В связи с этим следует больше обращать внимания на мотивы агрессии, на отношение к ней агрессора.

В США по проблеме агрессии накоплен большой материал и его значение нельзя зачеркивать, но признание Кауфмана, что в этой проблеме нет еще твердой почвы, имеет все основания. Слишком противоречивы эмпирические данные и слабо разработаны теоретические предпосылки, чаще с позиций бихевиоризма, пренебрежительно относящегося к внутреннему миру человека и общественным условиям его формирования.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Левитов Н. Д. Фрустрация как один из видов психических состояний. «Вопросы психологии», 1967, № 6.
 2. Arnold Mayda. Perennial Problems in the Field of Emotion. In "Feelings and Emotions", M. Arnold (Ed.) Academic Press, 1970, ch. 12.
 3. Bandura A., Ross D., Ross Sch. Transmission of aggression through imitation of aggressive models. "J. abn. Soc. Psychology", 1961, vol. 63.
 4. Bandura A., Walters R. Adolescent aggression. N. Y., Ronald, 1959.
 5. Berkowitz L. Aggression: A social psychological analysis. N. Y., Mc Graw Hill, 1962.
 6. Berlyne D. Behavior theory of personality theory. In E. Borgattu and W. Lambert (Eds.) Handbook of personality: Theory and research. Chicago. Rand Mc Nally, 1968, Ch. IV.
 7. Buss A. The psychology of aggression. N. Y., Wiley, 1961.
 8. Dollard J., Doob L., Miller N., Mowrer O., Sears S. Frustration and aggression. New Haven, Yale Univers. Press, 1932.
 9. Eron L., Walder L., Torgo R., Lefkowitz M. The relationship between social class and parental punishment for aggression of both to unindpendent measure of child aggression. "Child Development", 1963, v. 34.
 10. Feshbach S. The function of aggression and the regulation of aggressive drive. "Psychol. Review", 1964, v. 71.
 11. Fishman C. Need for approval and the expression under varying conditions of frustration. "Journ. of Personality and Social Psychology", 1965, v. 2.
 12. Freud S. Why war? Letter to Professor Einstein. In J. Strachey (Ed.) Collected papers of Sigmund Freud, v. 5. N. Y., Basic Books, 1959.
 13. Glass D. Changes in liking as a means of reducing cognitive discrepancies between self esteem and aggression. "J. Person.", 1964, v. 32.
 14. Kagan J. Stress and frustration. In J. Janis (Ed.). Personality. Dynamic, development and assessment. N. Y., Harcourt, Brace, World, 1969.
 15. Kaufmann H. Definitions and Methodology in the Study of Aggression. "Psychol. Bulletin", 1965, v. 64.
 16. Lazarus R. Psychological stress and coping process. N. Y., Mc Graw Hill, 1966.
 17. Lazarus R., Averill J., Opton E. Toward a Cognitive theory of Emotion. In M. Arnold (Ed.) Feelings and Emotions. N. Y., Academic Press, 1970, ch. 14.
 18. Lesser G. Extrapunitiveness and ethic attitude. "J. abn. and Soc. Psychology", 1958, v. 56.
 19. Lesser G. The Relationship between overt and Fantastic Aggression as a Function of Maternal Response to Aggression. "J. abnorm. and Soc. Psychology", 1957, v. 55.
 20. Levin H., Fleischmann R. Childhood Socialization. In E. Borgatta and W. Lambert. Handbook of personality theory and research. Chicago, Rand Mc Nally, 1968.
 21. Lorenz R. On aggression. N. N. Bantham, 1967.
 22. Lorenz R. Ritualized frightening. In J. Carthy and F. Ebling (Eds.) A natural history of aggression. N. Y., Academic Press, 1964.
 23. Lykken T. Neuropsychology and psychophysiology in personality research. In E. Borgatta and W. Lambert (Eds.) Handbook of Personality, theory and research. Chicago, Rand Mc Nally, 1961.
 24. McDougall W. An introduction to social psychology. Boston, Lacey, 1926.
 25. McNeil E. Psychology and aggression. "Conflict Resolution", 1959, v. 3.
 26. Maslow A. Motivation and Personality. N. Y., Harper Row, 1954, 1970.
 27. Miller N. Theory and Experiment relating psychoanalytic displacement to stimulus — response generalization. "J. abn. and Soc. Psychology", 1948, v. 43.
 28. Murray H. Explorations in Personality. N. Y., Oxford press, 1938.
 29. Novlis V. Mood. Behavior and Experience. In M. Arnold (Ed.). Feelings and Emotions. N. Y., Academic Press, 1970, ch. 18.
-
30. Richards C., Walters R., Murray Brawn. Test of the High — Magnitude Theory of Aggression. "J. of Experim. Child Psychology", 1948, v. 1.
 31. Scott J. Aggression. Chicago Univers. Press, 1928.
 32. Sears R., Maccoby E., Levin H. Patterns of child rearing. Evanston ICC. Row Peterson, 1957.
 33. Siegel M. The relationship of hostility to authoritarianism. "J. abnorm. and Soc. Psychology", 1956, v. 52.
 34. Stagner R. Studies of aggressive serial attitude. I. Measurement and interrelation of selected attitudes. "Journ. of Social Psychology", 1924, v. 20.